

Интерсубъективность в контексте цифровой реальности: феноменологический подход*

А. Б. Паткуль

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, Гончарная ул., 12

Для цитирования: Паткуль А. Б. Интерсубъективность в контексте цифровой реальности: феноменологический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404>

Целью статьи является выяснение того, насколько должны трансформироваться традиционные феноменологические решения проблемы интерсубъективности в связи с формированием цифровой реальности. Для прояснения данного вопроса в статье предпринимается реконструкция базовых онтологических конститутивных свойств объектов цифровой реальности, а также анализ основных феноменологических подходов к проблеме интерсубъективности (на примере теорий Другого у Гуссерля и Хайдеггера). В ходе исследования было установлено, что у современных феноменологических авторов наиболее значимыми онтологическими конститутивами цифровых объектов считаются способность совмещать вещные и не-вещные конститутивные свойства, а также реляционно-сетевой характер, позволяющий идентифицировать цифровые объекты в качестве подручных средств. В статье представлена определенная расширяющая коррекция первого из этих свойств, а также предложено выделять цифровые средства в особый тип подручности (вторичная подручность). В результате анализа теорий Другого, выдвинутых Гуссерлем и Хайдеггером, выявлено, что Гуссерль мыслит конституирование Другого по аппрезентативистской модели, согласно которой данность в опыте тела Другого позволяет Его приводить к со-присутствию его Его как связанного с этим телом. Хайдеггер, напротив, считает, что Другой первично всегда уже дан из совместного мира, понятого как взаимосвязь значимости подручных средств. Наконец, в контексте главной цели статьи показано, что обе рассмотренные классические феноменологические модели конституирования интерсубъективности не могут быть полностью применимыми для констатирования интерсубъективности после формирования цифровой реальности как особого онтологического региона. Аппрезентативистская модель оказывается неподходящей, поскольку в цифровую эпоху данность тела Другого — в пределе — может становиться полностью опосредствованной цифровыми репрезентациями этого тела. Хайдеггеровская модель, трактующая данность Другого из совместного с ним использования подручных средств, также может не дать нужного результата, поскольку вторичная подручность цифровых средств оказывается способной прерывать взаимосвязи значимости первичной подручности.

Ключевые слова: цифровая реальность, *res digitalis*, интерсубъективность, феноменология, подручность.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

Введение

В настоящее время едва ли можно обоснованно подвергнуть сомнению тот факт, что в случае цифровой реальности человечество имеет дело с тотальностью особого типа объектов, онтический генезис которых может быть отчетливо прослежен в сравнительно короткой исторической ретроспективе. Это не может не мотивировать постановку и обсуждение философских вопросов о ее сущности, онтологическом статусе, способе данности и т. д. Разумеется, методологические установки, на которые можно опираться при их разработке, могут быть самыми разными. Один из возможных подходов (хотя, разумеется, и не исключительный) к этим проблемам предлагает и феноменология. Многие современные исследователи, в той или иной мере связанные с феноменологическим направлением современной философии, уже сравнительно давно сделали философские проблемы цифровой реальности темой своих изысканий. Здесь можно указать как на отечественных, так и на зарубежных авторов: Т. Адольфс (Th. C. Adolphs) [1], С. Виаль (S. Vial) [2], Ю. Ким (J. Kim) [3], В. А. Ладов [4], З. А. Сокулер [5], А. В. Фролов [6], Й. Хуэй (Y. Hui) [7; 8] и др.

В настоящей статье нет ни возможности дать более или менее полный обзор результатов этих исследований, ни тем более исчерпывающий очерк современной феноменологии цифрового бытия. Вместо этого мы сосредоточимся на одной из характерных для феноменологии проблем — проблеме интрасубъективности. Такой выбор обусловлен тем, что для этого философского направления данная проблема является одним из предпочтительных путей к обоснованию трансцендентальной философии в целом, которая призвана в том числе и обосновать объективное бытие мира, и прояснить вопросы сущности и онтологического статуса различных регионов сущего. *Цель* же статьи в данном контексте состоит в том, чтобы посмотреть, насколько постановка и возможные решения избранной проблемы феноменологическими средствами модифицировались в связи с появлением цифровой реальности.

Необходимо предварительно отметить, что характерным для феноменологического подхода к цифровой реальности является анализ ее сущности и способа ее бытия через анализ способа данности цифровых объектов и способов их интенциональной идентификации по формуле «нечто как нечто». Говоря проще, феноменологию в первую очередь интересует вопрос, как и почему воспринимающее цифровой объект сознание идентифицирует именно в качестве цифрового объекта. А это значит, что подступиться к центральному для нашего исследования вопросу едва ли удастся без (1) предварительной феноменологической реконструкции онтологического статуса цифровых объектов и (2) реминисценции классических подходов к проблеме Другого в феноменологии. При проведении исследования использовались такие методы, как историко-философская реконструкция, сравнительный анализ, феноменологический дескриптивный анализ и дедукция.

Онтологические конститутивы цифровой реальности

Говоря об онтологическом статусе цифровых объектов, мы ограничимся только двумя конститутивными для этого статуса моментами, поскольку именно они являются наиболее значимыми для проблематики интрасубъективности. Они уже

были выявлены другими исследователями ранее, мы лишь дадим им здесь аналитическую интерпретацию.

Итак, во-первых, мы должны указать на способность объектов такого типа вмещать в себе конститутивные свойства как вещи, так и не-вещи. Ю. Ким пишет: «Очевидно, что цифровые сущие (digital-beings) не являются физическими объектами; и все же они способны иметь некоторые “веще-подобные черты”, которые долгое время были приписываемы исключительно сущности (nature) физических вещей» [3, p. 90]. К таким характеристикам можно отнести длительность, субстанциональность и протяженность. Во всяком случае в элементарном акте восприятия цифровой объект наделяется именно смыслом объекта, обладающего названными характеристиками: он воспринимается как существующий в определенном времени, как сохраняющий свою самотождественность в изменении своих свойств и отношений, отличаясь при этом ото всех других объектов, как занимающий это, а не иное место. Впрочем, к вещной стороне цифровых объектов принадлежат также и вторичные качества, во всяком случае — цвет и звук. Тот же Ким приводит в пример бильярдные шары виртуального 3D-пула. Они являются тождественными самим себе и отличными от других шаров, занимают определенные позиции, перемещаются с места на место с течением времени, подчинены причинной зависимости, когда начало движения одного шара мыслится как эффект его столкновения с другим шаром. Эти шары также окрашены в определенные цвета и при столкновении издадут звук, более или менее громкий в зависимости от силы, с которой они сталкиваются друг с другом, обусловленной в свою очередь силой изначального «удара» виртуальным кием. Добавим от себя, что уже на уровне этих казалось бы чисто вещных конститутивных свойств, присущих цифровым объектам, может быть обнаружена определенная двусмысленность. Дело в том, что когда речь заходит о вторичных качествах, обнаруживается, что присущность некоторых их типов цифровому объекту не является необходимой. Так, мы вполне можем отключить опцию «звук» у того же виртуального пула или вообще иметь дело с программой, исполнение которой в принципе не предполагает аудиальных эффектов. И это будет не следствием нашей физической глухоты, а свойством самого цифрового объекта — быть-не-звучащим в тех обстоятельствах, в которых физические вещи в собственном смысле неизбежно выступают причиной того, что нами воспринимается в качестве звука.

Впрочем, уже и в случае базовых конститутивов вещи у цифровых объектов эти конститутивы присутствуют в дефицитном модусе: Ким приходит к выводу, что в случае протяженности и длительности цифровых объектов их киберпространство и кибервремя невозможно полностью отождествить с соответствующими пространством и временем физических вещей.

Таким образом, к не-вещным конститутивным характеристикам цифрового объекта стоит отнести прежде всего то, что у них нет «длительности в мировом времени (world-time) и локализации в мировом пространстве (world-space)» [3, p. 97]. Они не принадлежат к совокупности всего мунданного, не имея общего горизонта с вещами физического мира. Характерное отношение цифрового объекта к специфическому для него пространству состоит, по мнению Кима, в том, что, в отличие от реальных в привычном смысле вещей, «индивидуальное (single) цифровое сущее может существовать во множестве различных локаций одновременно»

[3, p. 97]. Это пространство он и называет киберпространством, в нем и только в нем осуществляется движение цифровых объектов, собственно, их протяженность принадлежит только пространству такого рода. Ким очень остроумно определяет пространственное бытие цифровых объектов как «здесь и там» (*here and there*), в отличие от пространственного бытия «здесь или там» (*here or there*) объектов физических. Также и собственная темпоральность цифровых объектов не может быть определена и измерена с помощью каких бы то ни было инструментов.

Другим конститутивом бытия цифрового объекта как не-вещи выступает у Кима то, что он называет «совершенной мультиплицируемостью» (*perfect multiplicability*), в силу которой, в том числе в сфере цифровых объектов, невозможно различить оригинал и копии. Так, один и тот же файл — текстовой или графический — может существовать на множестве разных носителей, имеющих различную локализацию по всему миру, одновременно. Цифровые объекты могут как существовать вечно, так и внезапно исчезнуть, не оставив и следа. Они абсолютно устойчивы, но они же и абсолютно «эфемерны».

В итоге Ким характеризует цифровой объект в плане его онтологического статуса, совмещающего в себе казалось бы несовместимые определения вещи и не-вещи, как *res digitalis* — цифровую вещь. Он пишет: «Учитывая парадоксальные характеристики цифрового бытия (*digital-being*), я бы высказался в пользу того, что мы должны признать цифровое сущее (*digital-beings*) в качестве третьей сущности, локализованной где-то между *res cogitans* и *res extensa*. Я назвал бы ее *res digitalis*» [3, p. 107]. Такая маркировка онтологического статуса цифрового объекта является весьма эффектной. Вместе с тем хочется отметить, что она, на наш взгляд, нуждается в значительно более подробной феноменологической детализации. В формуле Кима остается неясным само это *somewhere between* — «где-то между». Судя по всему, он инициирует такое понимание *res digitalis* именно на основании того, что она обладает свойствами как конститутивными для вещей физических, так и такими, которыми физические вещи не могут обладать в принципе. Из не-вещности цифрового объекта поэтому еще не должна следовать его «причастность» *res cogitans*. Такой вывод может получиться только из заранее принятой предпосылки, что есть два и только два способа бытия — *res cogitans* и *res extensa*. Отсюда, действительно, следовало бы, что то в цифровом объекте, что не может относиться к *res extensa*, должно непременно быть отнесено к *res cogitans*. Но что если, например, цифровой объект существует в качестве эйдетической объективности, как и положено математическим объектам, или какой-то ее особой модификации (допускающей ее удаление), или выступает неким представителем и заместителем эйдетического объекта? Дело в том, в качестве чего *res digitalis* идентифицирована — в качестве *res extensa*, средства, воображаемого объекта, заместителя эйдетического объекта. Именно эта открытость к возможным онтологическим идентификациям, допускающая, что один и тот же цифровой объект без ущерба для его существа может быть идентифицирован в качестве обладающего любым из возможных способов бытия, а не его «локализация» «где-то между» *res cogitans* и *res extensa*, и составляет, на наш взгляд, бытие цифрового объекта. Речь при этом не идет о том, что *res digitalis* — это некий симулякр или сущее, вообще не обладающее каким бы то ни было предметным «что». *Res digitalis* — это именно *res*, она такова не в силу того, что способна обладать некоторыми свойствами, конститутивными для физической вещи,

но в силу обладания *realitas*, сущностными определениями. А специфика *realitas* в случае *res digitalis* состоит в том, что она не фиксирована и может изменяться в зависимости от конкретного способа идентификации ее интендирующим сознанием. Потому в данном контексте следует говорить скорее о своеобразной флексибельности высших чтойностей цифровых объектов, позволяющей определить бытие таковых в качестве *открытости для сущностной идентификации без ущерба для самого этого бытия*.

Во-вторых, для нас важна та конститутивная черта, нередко усматриваемая в бытии цифрового объекта, что он имеет реляционный характер. Он есть то, что он есть, только через отношение к другим таким объектам, и только в этом отношении он может быть идентифицирован как такое-то, а не иное нечто. Более того: цифровой объект есть эффект отношений, возникающий и существующий на их пересечении. Й. Хуэй утверждает даже: «В известной мере было бы оправданно сказать, что содержание не является ключевым моментом (*issue*) цифрового объекта; то, что на самом деле важно, — это отношения. Вся паутина цифровых объектов — это одновременно паутина отношений» [8, p. 140]. Для иллюстрации данного тезиса он приводит пример социальных сетей, где «такие отношения определяют почти все» [8, p. 140]. Так, рекомендуя кому-либо нового удаленного друга (*friend*), некая социальная сеть делает это именно на основе отношений.

На наш взгляд, именно такая реляционная трактовка бытия цифрового объекта и позволяет объяснить введенную нами ранее характеристику этого бытия как открытости к идентификациям без ущерба для самого этого бытия. Иными словами, именно то, что этот объект как объект формируется, если можно так сказать, на пересечении этих отношений, и задает то, в качестве какого нечто он идентифицируется, соответственно того, *что* именно он есть. Именно в смысле такого задаваемого динамикой изменяющихся отношений объекта можно говорить, используя уже сложившуюся терминологию, о цифровом объекте как о *сетевом*.

Интерпретация отношений, которые задают содержание *res digitalis* как отсылки друг к другу, позволила некоторым феноменологам охарактеризовать бытие цифрового объекта как подручность, а сами объекты такого типа — как подручные средства. Такая аналогия действительно является одной из ближайших и едва ли не сама собой напрашивающейся. Вспомним, что для Хайдеггера средство — это ближайшим образом нетематически встречающееся внутримирное сущее, бытие которого понимается согласно схеме «для того, чтобы». Средство — это то, что применяется для чего-то и к чему-то, а то, к чему оно применяется, — это другое средство и т. д. В итоге средства, отсылая друг к другу, выявляют уже присутствующую взаимосвязь, из которой только и может быть понято место в ней того или иного средства. Эта взаимосвязь и составляет структуру мирности мира. Действительно, именно так и устроено реляционное бытие цифровых объектов, да и едва ли может вызывать сомнение тот факт, что объекты эти были изначально созданы именно в качестве средств для решения определенных задач. Кроме того, и такой доступный пример, как сеть Интернет, блестяще иллюстрирует адекватность хайдеггеровской модели подручного бытия цифровых объектов: ведь здесь каждый объект (страничка) содержит гиперссылки на другие объекты и т. д. Но при более детальном рассмотрении можно заметить, что у цифровых объектов при сохранении общего характера средства имеет место особый характер подручности,

которую можно было бы охарактеризовать как подручность второго порядка, или *надстроенную подручность*. Цифровые объекты, конечно, находятся и в отношениях подручного бытия с первичной подручностью, а именно пребывая с ней, как правило, в отношении взаимно-обратной связи, но сами они не могут быть под рукой и доступными непосредственно — так, как доступна подручность первого порядка. А. В. Фролов приводит такой пример: «Однако манипулировать программой можно только в переносном смысле — с помощью курсора, если речь не идет о сенсорном экране. Если же мы используем сенсорный экран, то манипуляция программой опосредуется экраном (путем нажатия на какой-то его сегмент)» [6, с. 34]. Из приведенного описания видно, что вторичная подручность цифровых объектов может быть доступна только через первичную подручность технических устройств, которая, как и положено настоящей подручности, отступает, становится нетематической, давая тем самым явить себя подручности второго порядка. Важным в таком различии двух порядков подручности является то, что в цифровой подручности имеется изолированная от первичной подручности замкнутая в себе взаимосвязь средств, которая функционирует как бы «параллельно» взаимосвязи средств первичной подручности, *не имея с ней общего мирового горизонта подручного*. Это, впрочем, не исключает и пересечения, «перпендикулярности» этих двух рядов.

Способы конституирования Других в классической феноменологии

На этом этапе мы должны кратко реконструировать основные способы трактовки конституирования Других в традиционной феноменологии на примере концепций Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

Гуссерль начинает свое решение проблемы Другого с того, что осуществляет внутри уже достигнутой посредством феноменологической эпохэ трансцендентальной сферы специфическую эпохэ. Именно это позволяет достигнуть той сферы, которую Гуссерль называет «трансцендентальным конкретным Я-сам» (см.: [9, с. 121]). В оставшейся после этого различения сфере можно выделить то, что Гуссерль называет «просто природой», определяя ее как то, что «составляет специфически собственное, очищенное от всего, связанного со смыслом чужой субъективности...» [9, с. 125]. Она уже не имеет смысла наличной и доступной для каждого и может быть охарактеризована как имманентная трансценденция. Среди тел такой идентифицированной природы я обнаруживаю свое тело как то единственное, которым я могу непосредственно распоряжаться. Только оно являет себя как тело, связанное со сферой моего трансцендентально-конкретного Я-сам.

Принципиальная трудность, связанная с конституированием Других, заключается в том, что «на самом деле ни само другое Я, ни его переживания, ни сами его проявления, ничто из того, что относится к его собственной сущности, не достигает при этом изначальной данности» [9, с. 140]. Поэтому, считает Гуссерль, должна иметь место некая «опосредованность интенциональности» (ср.: [9, с. 140]). В ней предмет дается посредством *аппрезентации* — приведения к со-присутствию, для которой характерно то, что она, в отличие от аппрезентативного представления скрытых сторон вещи восприятия, не может быть переведена в модус прямой

презентации. В моем восприятии Другой первоначально появляется как тело, являющееся частью моей «имманентной трансценденции», частью которой — своим телом — я могу непосредственно распоряжаться. Но характер тела Другого и способ его явления позволяют мне благодаря «*апперцептивному переносу из моего тела*» [9, с. 142] опознать тело Другого как ту часть его первичной природы, которой *он* как конкретное Его способен непосредственно распоряжаться. Подтверждается это за счет изменчивого, но всегда согласованного его поведения. Данные друг другу посредством уподобляющей апперцепции субъекты изначально образуют посредством выделяющей ассоциации пару, а затем и группу, множество. При этом мое тело, которым я способен управлять, центрировано в модусе «здесь», а соответствующее тело Другого — в модусе «там». Вместе с тем «я апперцепирую Другого как обладающего такими модусами явлений, которые я сам имел бы как им равные, если бы переместился Туда и был бы Там» [9, с. 151]. И этот Другой апперцепируется посредством аппрезентации как обладающий своим первичным миром и своей первичной природой, а также своим абсолютным «здесь».

Исходя из этого Гуссерль предполагает конституировать также и общность объективной природы. Это конституирование основано на отождествлении данного в моей первичной сфере «там-тела» Другого и принадлежащего этому Другому в его первичной сфере его живого «здесь-тела»: «То же самое тело... дано мне как тело-Там, ему — как тело-Здесь, как центральное тело; и “моя” природа в целом есть та же самая, что и природа, которая принадлежит Другому...» [9, с. 158]. При этом, как отмечает Гуссерль, всякий «природный объект, который мне дан и может быть дан в низшем слое опыта», идентифицируется как «тот же самый природный объект в возможных модусах данности Другому» [9, с. 160–161].

Хайдеггер же считает, что исходной конституирующей инстанцией является не «инкапсулированный» в себе трансцендентальный субъект, а *Dasein* — сущее, фундаментальной бытийной структурой которого является трансценденция, превосхождение сущего как такового. Она всегда уже предполагает экстатическое бытие *Dasein* вовне себя. *Dasein* — это уже изначально бытие-в-мире. Мир, со своей стороны, выступает у Хайдеггера предельной бытийной структурой самого *Dasein*, обеспечивающей возможность явленности, открытости для него различных сущих: подручного, наличного, самого экзистирующего *Dasein*, но также и Других *Dasein*. Так понятый мир конституируется как целостная взаимосвязь значимости, из которой определяется употребимость ближайшего внутримирного сущего, каковым является именно подручное сущее в его «для того чтобы».

При этом, как считает Хайдеггер, в бытии подручных средств уже содержится указание на Других. Любое средство — это средство, предназначенное для тех, кто будет им пользоваться. Хайдеггер пишет: «Другие, “встречающие” так в подручной мироокружной взаимосвязи средств, не примысливаются к сперва где-то просто наличной вещи, но эти “вещи” встречают из мира, в котором они подручны для других, каковой мир заранее уже всегда также и мой» [10, с. 118]. Таким образом, мир, в котором экзистирует *Dasein*, — это всегда совместный мир (*Mitwelt*), который это сущее разделяет с другими *Dasein*, поскольку именно из него только и способно пользоваться подручными средствами, теми, которыми всякий раз могут пользоваться и Другие. Само бытие в мире всегда уже «есть *со-бытие* с другими» (*Mitsein*) [10, с. 118]. В свою очередь всякое «внутримирное по-себе-бытие

есть *соприсутствие*» (Mitdasein) [10, с. 118]. Исходя из этого Хайдеггер утверждает, что бытие с Другими не нуждается в дополнительном обосновании, пусть даже феноменологическом, оно феноменально визируется уже на уровне повседневного бытия Dasein в мире: «Они встречают из *мира*, в каком по сути держится озабочившееся-усматривающее присутствие» [10, с. 119].

Конституирование Других в контексте цифровой реальности

Теперь мы должны посмотреть, трансформируются ли (а если трансформируются, то как именно) традиционные для феноменологии трактовки конституирования Других ввиду онтологической специфики *res digitalis*.

Если первоначально исходить из аппрезентативистской модели Гуссерля, то сразу неизбежно возникнет вопрос о месте цифровых объектов в сфере простой первичной природы, достигаемой с помощью описанной выше специфической эпохё, и как следствие — о возможности и адекватности цифровой репрезентации первичной сферы конкретного Ego. Для иллюстративности приведем такой пример. По аналогии с тем, как сам Гуссерль предлагал представить «всеобщую эпидемию чумы» (ср.: [9, с. 121]), которая оставила в живых его одного, мы можем с помощью феноменологически допустимого свободного варьирования в фантазии вообразить хорошо понятную сегодняшнему читателю ситуацию «всеобщей пандемии», которая не уничтожила, правда, все прочее человечество за исключением некоторого единственного носителя сознания, но обрекла каждого и абсолютно каждого его представителя на тотальную изоляцию, в которой связь с гипотетическими Другими можно поддерживать исключительно цифровыми средствами¹. Вопрос на данном этапе заключается в том, что именно мы получим, когда проведем специфическую эпохё. Понятно, что на первых порах результат ее будет мало чем отличаться от результата, полученного Гуссерлем: для каждого откроется ему и только ему принадлежащая сфера собственного в его прямом отличии от чужого. Но можно ли в таком случае будет понять это собственное как имманентную трансценденцию в смысле простой природы? Ведь в эту сферу по умолчанию будут уже включены не только вещи природы, но и цифровые объекты, которые, как мы помним, способны совмещать в себе конститутивные свойства как вещей, так и не-вещей. Само тело, связанное с моим конкретным Ego, будет не просто дано Другому в опыте первичной сферы, но всякий раз — в опосредовании цифровыми репрезентациями: своим изображением в веб-камере, своим голосом в наушниках или колонках.

Впрочем, более серьезное затруднение для аппрезентативной версии конституирования Других состоит в самой возможности аппрезентации, т. е. приведения к со-присутствию, в удаленном модусе данности Другого как тела, первоначально данного мне как часть имманентной трансценденции Ego. Ведь в случае с вообразенной нами «цифровой робинзонадой» тело Другого как раз таким именно образом не воспринимается Ego. Для Гуссерля было важно, что тело Другого как часть имманентной трансценденции Ego и живое тело, связанное с Ego Другого, — это

¹ С. Виаля вводит в связи с проблемой Другого в цифровую эпоху весьма удачный термин — *l'autrui-phanie numérique* (см.: [2]), т. е. цифровое явление Другого, явление Другого цифровыми средствами. О его принципиальной возможности мы, по сути, и ставим вопрос.

одно и то же тело, и первое не является каким-либо индексом второго. Но в описанной нами ситуации такое тождество оказывается неосуществимым, поскольку в модусе удаленной цифровой данности тела Другого то, что соприсутствует с телом исходного Ego, — это как раз индекс, репрезентант тела Другого, причем даже с учетом его цифровых «воплощений». Видимое здесь и сейчас на экране монитора лицо Другого, слышимый из колонок его голос — это феноменологически только знаки его лица и его голоса, соответственно тела. И соприсутствуют с телом исходного Ego только они, но никак не само тело Другого. И дело не в том, что само это тело может оказаться на самом деле не таким, каково оно есть, а в том, что цифровой модус аппрезентации не способен дать именно телесного соприсутствия в принципе. Причем такая неспособность объясняется не недостатком технических средств, который мог бы быть преодолен в ходе их совершенствования, а принципиальной онтологической особенностью репрезентирующих тело Другого объектов цифровой реальности. Прежде всего важнее здесь оказывается та их особенность, что они несут на себе конститутивные свойства как физической вещи, к которой при всех значимых для феноменологии отговорках может быть отнесено и тело, и не-вещи. В последнем случае решающим оказывается то, что цифровой объект пространственно определяется как здесь и там, тогда как у Гуссерля мы видели, что аппрезентация и последующее образование пары и группы требуют принципиального различия тела исходного Ego как здесь-тела и тела Другого как там-тела. В кибер-пространстве цифровых объектов происходит принципиальное смещение и наложение любых «здесь» и «там», а также имеет место «совершенная мультимедийность», которая в данной связи означает, что репрезентации тела другого одновременно могут быть даны неопределенно большому множеству членов цифрового сообщества в различных локализациях.

Думается, что на этом пути имеются как минимум два возможных сценария решения этих затруднений. Первый состоит в признании возможности и адекватности косвенной, причем именно цифровой, аппрезентации тела Другого, позволяющей аподиктически воспринимать через его цифровые репрезентации обладающее телом конкретное трансцендентальное Ego. Впрочем, «механизм» такой аппрезентации был бы на деле контринтуитивным и, вероятно, требовал бы снятия различия между цифровым образом тела Другого и самим этим телом. Второй же сценарий мог бы состоять в отказе от того, чтобы конституировать Другого через визирование именно его телесного соприсутствия и переориентации на иные модальности его живого соприсутствия. Таким соприсутствием, например, могло бы быть то, что допустимо назвать смысловым соприсутствием, которое предполагает непосредственный осмысленный ответ на обращение к Другому. Этот второй сценарий, впрочем, еще дальше первого от удостоверения в прямом созерцании, но он имеет то преимущество, что не требует возможной полноты представленности Другого посредством цифровых репрезентантов: для такого удостоверения достаточно трансляции голоса или определенных сочетаний знаков на мониторе. Но возможное феноменологическое обоснование его потребовало бы совсем иных мыслительных ходов, чем те, которые были предложены Гуссерлем.

Кажется, что проект конституирования Других, предложенный в онтологии Хайдеггера, значительно лучше подходит для решения проблемы показа способа бытия Других, опосредованного цифровой реальностью. Решение указанных

затруднений в духе Хайдеггера состояло бы в том, что даже фактически одинокое Dasein, тем более Dasein, попавшее в ситуацию «цифровой робинзонады», не перестает быть совместным бытием с другими сопричастующими Dasein. Не фактическое телесное присутствие и аппрезентация Другого создают возможность бытия с Другими, а напротив, упреждающая онтологическая определенность Dasein как совместного бытия с Другими со-присутствующими Dasein в совместном мире только и делает возможным телесное сопричастие. В этом смысле ситуация «всеобщей пандемии» с ее тотальной самоизоляцией ничего не изменила бы: даже замкнутые в своей цифровой среде Dasein так и продолжали бы быть сопричастующими в общем для них мире.

Однако здесь дает о себе знать то затруднение, о котором мы сказали ранее. Общий мир сопричастия Dasein задается взаимосвязью значимости подручного сущего. Именно общность использования подручных средств позволяет говорить о таком мире и его общности. Мы, однако, показали, что как раз формирование цифровой реальности (возможно) привело к формированию особой взаимосвязи средств («вторичная подручность»), которая может отчасти не пересекаться со взаимосвязью средств «первичной подручности». Взаимосвязь отсылок, формирующих цифровые объекты, способна «разрывать» собой взаимосвязи «первичной подручности». Это обстоятельство еще не означает, что сетевая взаимосвязь цифровых объектов образует свой особый мир, ведь эти взаимосвязи сами всегда остаются связанными с мировыми взаимосвязями первичной подручности. Они, собственно, невозможны без этих взаимосвязей. Но это может означать, что обратное движение взаимосвязей вторичной подручности, создавая параллель взаимосвязям первичной подручности, несет с собой риск специфического размирщения общего для Dasein и Других мира, из которого Другие только и могут Dasein встретиться.

Заключение

В последнем случае мы намеренно оставили рассуждение подвешенным, ограничившись негативным результатом, поскольку, на наш взгляд, как само подтверждение либо опровержение выдвинутой гипотезы, так и экспликация выводов из нее требуют отдельного исследования. И такое исследование, наряду с развитием выводов, сделанных из анализа применимости аппрезентативистской теории Другого в контексте цифровой реальности, составляет, пожалуй, главную перспективу проделанной здесь работы. Ведь для феноменологической философии, как это видно особенно по текстам Гуссерля, теория Другого, теория intersubjectивности не является самодостаточной. В конечном счете она представляет собой только путь к полной трансцендентальной философии, которая «фундирует трансцендентальную теорию объективного мира, и притом целиком и полностью, в особенности в отношении объективной природы» [9, с. 120]. В случае Хайдеггера, конечно, имеет место иной путь обоснования, но и тут феноменологическое прояснение конституции бытия Другого подчинено фундаментальному вопросу о способе бытия вообще, из ответа на который только и можно будет понять — в том числе — смысл собственного бытия наличной природы. И тут выявленные нами затруднения обоих классических сценариев конституирования Другого и Других будут, как нам

кажется, показательными. Те смещения, которые производит в способе данности и констатирования Другого цифровая реальность, требуют и пересмотра способа конституирования «объективной природы», и, возможно даже, «смысла бытия вообще». Сможет ли природа оставаться открытой в своей объективной природности после появления цифровой реальности? Не будет ли не только ее данность опосредствована цифрой, но и само ее бытие отныне пониматься как определенный дериватив цифры и цифровой реальности? Не займет ли вообще эта последняя место базового онтического слоя, над которым надстраиваются все прочие, место, до сих пор уверенно занимаемое неживой природой? Не подлежат ли само бытие и его смысл в виду специфического цифрового размирщения такой темпоральной модификации, которая будет диктоваться специфической темпоральностью цифровых объектов как преимущественного онтического слоя? Наконец, не мотивируют ли указанные трансформации пересмотр и самого характера исходной конституирующей и смыслонаделяющей инстанции, которой, возможно, уже не смогут выступать ни конкретное трансцендентальное Ego, лишившееся возможности аппрезентировать Другого, ни Dasein как бытие-в-мире, столкнувшееся со специфическим цифровым размирщением? Если так, то это потребует отдельной развернутой аналитики онтологической структуры такой инстанции, которую в рабочем порядке, используя неологизм Ю. Кима (впрочем, не придавая ему смысла, который в него изначально вложил его автор), назвать Digi-sein.

Литература

1. Adolphs, Th. C. (2018), *Digitization of the World: A Phenomenology of Digitization*, Master's thesis. Houghton: Michigan Technological University. URL: <https://digitalcommons.mtu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1761&context=etdr> (дата обращения: 01.07.2023).
2. Vial, S. (2014), Ce que le numérique change à autrui: introduction à la fabrique phénoménoteknique de l'altérité, *HERMÈS*, no. 68, pp. 151–157. <https://doi.org/10.3917/herm.068.0151>
3. Kim, J. (2001), Phenomenology of Digital-Being, *Human Studies*, no. 24, pp. 87–111.
4. Ладов, В. А. (2011), Феноменология виртуальной реальности, *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, № 2, с. 169–176.
5. Сокулер, З. А. (2017), «Фундаментальная онтология» и онтология дигитального мира, *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, № 6, с. 3–17.
6. Фролов, А. В. (2019), Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем, *Философия и общество*, № 1, с. 18–38. <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.02>
7. Hui, Y. (2012), What is Digital Object?, *Metaphilosophy*, vol. 43, no. 4, pp. 380–395.
8. Hui, Y. (2016), *On the Existence of Digital Object*, Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
9. Гуссерль, Э. (2009), *Картезианские медитации*, пер. с нем. Молчанов, В. И., М.: Академический проект.
10. Хайдеггер, М. (1997), *Бытие и время*, пер. с нем. Бибихин, В. В., М.: Ad Marginem.

Статья поступила в редакцию 19 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2023 г.

Контактная информация:

Паткуль Андрей Борисович — канд. филос. наук, ст. науч. сотр.; a.patkul@spbu.ru

Intersubjectivity in the Context of Digital Reality: Phenomenological Approach*

A. B. Patkul

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1, ul. Goncharnaya, Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Patkul A. B. Intersubjectivity in the Context of Digital Reality: Phenomenological Approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404> (In Russian)

The main goal of the article is to find out how traditional phenomenological solutions to the problem of intersubjectivity should be transformed in connection with the formation of digital reality. In order to expose this issue, the author undertakes a reconstruction of the basic ontological properties of digital objects, as well as an analysis of the main phenomenological approaches to the problem of intersubjectivity (basing on the material of the theories of the Other in Husserl and Heidegger). In the course of the study, the author found that, on the one hand, some contemporary phenomenological authors consider the ability to combine the constitutive properties of thing and non-thing as one of the basic features of the digital objects. On the other hand, they believe that the relations are also of very significance for the proper being of digital objects. As a result of the analysis of the theories of the Other in Husserl and Heidegger, the author highlights that Husserl understands the constitution of the Other in the framework of so-called appresentative model. On the contrary, Heidegger believes that the Other is always primarily given from the common-shared world. Finally, the author shows that both considered classical phenomenological models of the constitution of intersubjectivity cannot be fully applicable for investigation of intersubjectivity after the formation of digital reality as a special ontological region. The appresentative model turns out to be unsuitable, since in the digital age the givenness of the body of the Other can become completely mediated by digital representations of this body. The Heideggerian model, which interprets the givenness of the Other from the common-use of available ready-to-hand entities with him, may also not give the desired result, since the secondary ready-to-handness of digital tools turns out to be capable of interrupting the interconnections of the of the primary ready-to-handness.

Keywords: digital reality, res digitalis, intersubjectivity, phenomenology, ready-to-handness.

References

1. Adolphs, Th. C. (2018), *Digitization of the World: A Phenomenology of Digitization*, Master's thesis. Houghton: Michigan Technological University. Available at: <https://digitalcommons.mtu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1761&context=etdr> (accessed: 01.07.2023).
2. Vial, S. (2014), Ce que le numérique change à autrui: introduction à la fabrique phénoménoteknique de l'altérité, *HERMÈS*, no. 68, pp. 151–157. <https://doi.org/10.3917/herm.068.0151>
3. Kim, J. (2001), Phenomenology of Digital-Being, *Human Studies*, no. 24, pp. 87–111.
4. Ladov, V. A. (2011), Phenomenology and Virtual Reality, *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*, no. 2, pp. 169–176. (In Russian)
5. Sokuler, Z. A. (2017), “Fundamental Ontology” and Ontology of Digital World, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 6, pp. 3–17. (In Russian)
6. Frolov, A. V. (2019), Phenomenology in the Digital Epoch: Review of the Problems, *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1, pp. 18–38. <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.02> (In Russian)

*The research was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement no. 075-15-2020-798).

7. Hui, Y. (2012), What is Digital Object?, *Metaphilosophy*, vol. 43, no. 4, pp. 380–395.
8. Hui, Y. (2016), *On the Existence of Digital Object*, Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
9. Husserl, E. (2009), *Cartesian Meditations*, trans. by Molchanov, V.I., Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
10. Heidegger, M. (1997), *Being and Time*, trans. by Bibikhin, V.V., Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)

Received: August 19, 2023

Accepted: July 5, 2023

Author's information:

Andrei B. Patkul — PhD in Philosophy, Senior Researcher; a.patkul@spbu.ru